

АГЕНТУРНАЯ РАБОТА НЕМЕЦКИХ СПЕЦСЛУЖБ В 1939–1945 гг.
(по материалам судебно-следственных дел
из фонда № 1363 Национального архива Республики Беларусь)*

Судебно-следственные дела (или их отдельные фрагменты – протоколы допросов, приговоры и т.д.) являются важным источником для изучения различных аспектов агентурной работы немецких спецслужб периода Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Являясь непосредственными организаторами или исполнителями этой деятельности, подсудимые, как правило, располагали достаточно большим объемом ценной и важной информации. Отметим, что в архивных фондах Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) хранится значительный корпус подобных документов. В первую очередь укажем, что эти материалы отложились в фонде № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения) описи № 21, 22. Также некоторое количество подобных документов встречается в описях № 1, 2, 11а фонда БШПД, в объединенных архивных фондах партизанских формирований (№ 1399–1408) и в фонде ЦК КП(б)Б – № 4п.

В основном выявленные в указанных фондах судебно-следственные дела (или их фрагменты) касаются разоблаченных пособников, агентов, провокаторов, шпионов, то есть непосредственно исполнителей. Всего за годы оккупации немецкими спецслужбами на территории БССР было открыто 68 учебных разведывательно-диверсионных школ и курсов, через которые прошли обучение от 13 до 15 000 немецких агентов [1, с. 575, 579].

Только по данным Белорусского штаба партизанского движения за период оккупации партизанами Беларуси было взято на учет 29 252 человека. В том числе: немецких шпионов, диверсантов и террористов – 8 584. Из числа взятых на учет было арестовано и расстреляно 7 464 человек, в том числе 5584 немецких шпионов, диверсантов и террористов. Кроме того, было задержано и вывезено в советский тыл 60 человек крупных работников немецкой администрации, изменников, видных шпионов и провокаторов [13, л. 24–27].

В партизанских формированиях юридическая сторона выявления и разоблачения засылаемой немецкой агентуры регулировалась документами, составлявшими группу следственных материалов (следственное делопроизводство). Укажем, что в соединениях «лесных солдат» судебно-следственное делопроизводство далеко не всегда велось на качественном уровне и с соблюдением необходимых норм [2].

Серьезным недостатком в работе с разоблаченными шпионами было недостаточно подробное ведение допросов. Не уточнялись важные подробности разведывательной деятельности агента (кем и когда завербован, где

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

обучался, какие предметы преподавались, приметы других курсантов и т.д.). Например, сотрудник особого отдела одной из партизанских партизанской бригад Яков Кондыба в апреле 1943 г. указывал, что «наши командиры и комиссары партизанских бригад и партизанских отрядов при задержании немецких агентов расстреливают, не уточняя его методов работы, какую именно задачу он получил от гестапо и не выясняют какие же основные задачи ставит противник перед агентурой, а как правило, после признания агента в принадлежности к немецкой разведке, сразу расстреливают» [12, л. 6–7].

Например, порядок следственных действий по отношению к разоблаченной вражеской агентуре в партизанских соединениях по Брестской области определялся в приказе № 0089/к от 14.02.1944 г., подписанном Уполномоченным штаба Соединения партизанских отрядов Брестской области Ковальским. В документе прописывался порядок оформления документов допроса задержанных. Приведем основные положения:

«1. Иметь рапорт о задержании, в котором указать место, время и при каких обстоятельствах задержан.

2. Протокол допроса, оформленный путем постановки вопросов и ответов допрашиваемого, на каждой стороне листа допроса допрашиваемый расписывается. Исправления в протоколе допроса должны быть оговорены и иметь подпись допрашиваемого.

3. Протокол обыска с приложением к нему всего изъятого.

4. По установлению фактов виновности в совершенных преступлениях выносится постановление о расстреле или же по установлению фактов невиновности выносится постановление об освобождении. Постановление о расстреле или об освобождении подписывается командиром, комиссаром и оперуполномоченным отряда.

5. По окончании следствия материал подшивается в хронологическом порядке и весь сгруппированный материал направляется в штаб соединения.

6. Задержание крупных шпионов, резидентов, националистов польских и украинских с материалами первичного дознания направляется в штаб соединения. Как исключение может являться сложная обстановка, которая дает право решать вопрос на месте.

7. Вещи личного обихода, снятые с расстрелянного шпиона и диверсанта, на основании постановления передаются по акту в партизанский отряд для использования. А акт приобщается к следственному делу» [11, л. 5–5об.].

Еще один значительный массив судебно-следственных документов сосредоточен в фонде № 1363. В декабре 2001 года Комитет государственной безопасности Республики Беларусь передал в НАРБ 2 897 уголовных дел на иностранных военнопленных и интернированных, осужденных за преступления, совершенные в годы Второй мировой войны.

В фонде хранятся дела, заведенные органами «Смерш» фронтов и воинских частей на арестованных членов разведывательно-диверсионных групп, действовавших в тылу Красной армии, органах СД, Тайной полевой

полицей (ГФП), абвере на оккупированных немцами территориях. Отметим, что вопросы агентурной работы охватывают не только территорию БССР, но и других территории СССР, а также стран Европы – Польшу, Германию, Францию. Для удобства работы с делами была опубликована опись: «Осуждение иностранных военнопленных и интернированных в Беларуси. 1944–1951 гг. (Опись уголовных дел фонда № 1363) [14].

Уголовные дела содержат стандартный набор документов. Он включает постановление о возбуждении уголовного дела, избрании меры пресечения и предъявлении обвинения; об окончании следствия; анкету арестованного, протоколы личного обыска, допросов обвиняемых и свидетелей, судебного заседания, обвинительное заключение, приговор, кассационные документы и др.

Особый интерес представляют протоколы допросов обвиняемых. Это специфический источник, требующий критического подхода. Следует учитывать, что обвиняемый не всегда стремился говорить правду, иногда ему трудно было вспоминать произошедшее из-за давности события. Тем не менее использование и введение в научный оборот этих данных имеет большое значение.

Приведем наиболее важные и интересные, на наш взгляд, факты. Первый аспект касается «тотальности» агентурной работы немецких спецслужб и органов. Высказанный нами ранее тезис о том, что агентурной работой занимались практически все немецкие службы, находит подтверждение на страницах протоколов допросов. Так, военнослужащий айнзатцкоманды-8 Рейнгольд Вентербергер на допросе 28 мая 1947 г. отметил: «Вербовкой агентуры занимались все следователи СД. Первое время агентура не бралась на учет, но впоследствии была заведена картотека агентуры... При СД имелся аппарат штатных вербовщиков, которые находились на полном иждивении СД» [9, л. 100–101].

Важным также представляется мнение обвиняемых о сотрудничестве органов немецкой военной разведки (абвера) с полицией безопасности и СД. Так, военнослужащий зондеркоманды 7б Герберт Рейхерт в своих показаниях сообщил: «В практической работе СД и Абвер все время поддерживали деловой контакт. Дела, имеющиеся в СД по своему характеру больше интересующие абвер передавались ему и наоборот. Я лично знаю такой факт, когда на станции Коханово через агентуру Оршанского “Тайльtrupп” была захвачена группа партизан, в состав которой входил агент абвера, фамилию его сейчас не помню, то это дело было передано абверу» [7, л. 79об.–80].

Более того, большинство подсудимых, служивших в айнзатц и зондеркомандах, в качестве основных направлений и задач этих органов называют «обеспечение безопасности тыла немецкой армии. В основном вся работа сводилась к выявлению и уничтожению партизан и советских граждан, помогавших им, выявление коммунистов и лиц, ведущих агитацию против немецких властей, и разного рода других антигерманских преступников», а основным методом «была агентурная и следственная работа. Для этой цели имелись специальные агенты из русских при группах и в самом штабе

зондеркоманды, которые специально ходили среди населения, слушали разговоры, наблюдали за подозрительными лицами, выявляли активистов советской власти и коммунистов, и о результатах работы докладывали к прикрепленному сотруднику зондеркоманды... Были агенты, которых специально высылали в партизанские отряды или на розыски их. После месячного пребывания в отряде опять возвращался, докладывал все данные о партизанском отряде и уже зондеркомандой принимались меры к уничтожению этого партизанского отряда. В лагеря военнопленных и гражданских также посылали агентов, которые там проводили свою работу» [7, л. 150–151]. Военнослужащий зондеркоманды 76 Иван Панкрац показал, что агентура приобреталась из числа местного населения, «а часть агентуры была из числа пойманных и разоблаченных советских агентов-парашютистов, которых перевербовали. Так, например, при нашей группе, я знаю, агентами были две девушки, которые были пойманы и перевербованы. Часть агентуры находилась и жила при группе и ходила на задание...» [6, л. 184об.–185].

Важно отметить тот факт, что сотрудники различных органов полиции безопасности и СД подтверждают факт привлечения представителей еврейской национальности к агентурной работе. Карл Бухнер (Минское отделение СД) в своих показаниях отмечает: «Да, агентура среди еврейского населения была...» [3, л. 52, 57].

Одним из наиболее успешных направлений деятельности немецкой агентуры является работа накануне и в период проведения карательных операций нацистов против «лесных солдат». Шпионы засылались в лес с целью установления мест дислокации партизанских отрядов и бригад, системы охраны, постов, численности, вооружения, по возможности – совершения терактов. Прямых указаний на это не так много. В основном приходится довольствоваться косвенными фактами – соотносением района предстоящей операции со временем выпусков агентуры из близлежащих школ и курсов. Тем не менее обвиняемые также подтверждают то, что использовали деятельность разведчиков и шпионов при проведении карательных акций.

Например, следователь гестапо в Бешенковичах Иосиф Кёрнер указывал: «Мне известна большая операция, проводившаяся против партизан в мае 1944 года в районе Лепеля и Ушачи*, в это время я работал в Бешенковичском [отделении СД]. Для проведения этой операции были привлечены большие силы, участвовали русские войска, находившиеся на службе у немцев. Наше отделение также готовилось к этой операции, получались приказы, которые читал шеф отделения. К этому времени усиленно проводилась работа с агентурой, которая исключительно направлялась на выявление партизан, их места дислокации. Все полученные сведения от агентуры я перепечатывал на машинке» [3, л. 273].

---

*Имеется в виду карательная операция «Весенний праздник» (Фрюлингсфест), проводившаяся в апреле–мае 1944 г. против партизан Полоцко-Лепельской зоны.

Интересные данные о деятельности абвергруппы 310 на территории оккупированной Беларуси приводит переводчик Отто Ферингер. Он указывает, что агентура вербовалась «из числа военнопленных Красной армии и местного гражданского населения. Причем при отборе кандидатов на вербовку предпочтение отдавалось из среды военнопленных – лицам восточной национальностей – армянам, грузинам, а также татарам и украинцам. Из местных вербовались в первую очередь обиженные в свое время советской властью: раскулаченные, судимые, репрессированные по другим причинам. Помимо этого абвергруппа 310 получала проверенную агентуру от ГФП и в некоторых случаях – от СД» [10, л. 15–16, 27].

Подробные сведения о структуре, функциях и составе абверштелле (АСТ) «Кенигсберг» сообщил работник абвера Густав Евланский. Кроме того, он сообщил сведения о работе филиала АСТ в Белостоке, Гродно и Волковыске [8, л. 14–25].

Данные из протоколов допросов разоблаченных немецких работников спецслужб также касаются и крупной операции нацистских спецслужб, которую они проводили в конце 1944–начале 1945 г. – операции «Вервольф». Цель этой акции была в создании многочисленных мелких диверсионных групп в тылу наступающей Красной армии, которые бы проводили активную диверсионную и подрывную работу на территории Восточной Пруссии. По данным участников этой акции, сооружались специальные бункера для размещения диверсантов, делались закладки оружия, взрывчатых веществ и провизии для активных действий в тылу и на коммуникациях Красной армии [4, л. 10–12; 5, л. 8–20].

Подводя итог, отметим, что судебно-следственные дела на военнослужащих и работников немецких разведывательных органов и структур являются важным и информативным источником по изучению агентурной работы оккупантов в годы Второй мировой войны. Их введение в научный оборот существенно дополнит имеющиеся представления по указанной проблеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулинок, С. В. Прислужники Гитлера. Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. / С. В. Кулинок. – М. : Яуза, 2020. – 704 с.
2. Кулинок, С. В. Судебное делопроизводство в партизанских формированиях БССР в отношении разоблаченной агентуры противника в годы Великой Отечественной войны (по документам Национального архива Республики Беларусь) / С. В. Кулинок // Беларусь. археаграф. штогоднік. – 2018. – Вып. 19. – С. 37–50.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 66.
4. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 753.
5. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 893.
6. НАРБ. – Ф. 1393. Оп. 1. Д. 916.
7. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 917.

8. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 1036.
9. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 1660.
10. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2236.
11. НАРБ. – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 17.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1298.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 115.
14. Осуждение иностранных военнопленных и интернированных в Беларуси. 1944–1951 гг. (Опись уголовных дел фонда № 1363) / сост. : В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск-Москва-Грац, 2016. – 552 с.